

© Е.С. Данилко

КОНФЛИКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С МИГРАНТАМИ, НА YOUTUBE.COM

Ключевые слова: мигранты, ксенофобия, конфликты, интернет, YouTube

Появление и растущая популярность социальных сетей, переводящих интернет-пользователей из разряда потребителей в разряд активных создателей информационного контента, способствуют более активному включению россиян в обсуждение самых разных событий или явлений общественной жизни, в т. ч. связанных с мигрантами. В интернете существует огромное количество разнообразных ресурсов, тем или иным образом обращающихся к этой тематике. Их анализ свидетельствует о существовании выраженного антимигрантского (ксенофобского) дискурса как в официальных СМИ, так и в виртуальном пространстве, представленном различными видеоблогами. На основе информации из интернет-источников (отдельных сайтов, видеоблогов, разрозненных материалов), размещенных в видеохостинге на YouTube, в статье проанализированы проблемы конструирования образа “чужих” в современном российском обществе на примере трудовых мигрантов.

По материалам ежегодного опроса, проводимого “Левада-центром”, в 2018 г. в России резко по сравнению с прошлым годом повысился уровень этнофобии, что выразилось в увеличении доли россиян, выступающих за ограничение проживания в стране отдельных национальностей. При этом значительно расширился и спектр объектов неприязненного отношения (т.е. частота выбора тех или иных “нерусских позиций” из списка): здесь и выходцы с Кавказа, и представители среднеазиатских республик, украинцы, евреи и мн. др.; возглавили же “антирейтинг” цыгане. Проявлением ксенофобии в общественном мнении можно считать и негативное отношение к трудовой миграции и к самим мигрантам. Доля противников миграции выросла с 58 до 67%, и одновременно число респондентов, занимающих нейтральную позицию по этому вопросу, сократилось с 30 до 17%. Справедливости ради следует отметить, что доля сторонников миграции также возросла: с 6 до 14%. Все это свидетельствует об очередной актуализации миграционной повестки в публичном пространстве (Пипия 2018). Отмечая, что темы, связанные с миграцией и мигрантами, — одни из наиболее обсуждаемых в российском обществе, антрополог Сергей Абашин связывает этот факт с вступлением России в позднекапиталистический мир с его глобальными диспропорциями и кризисами, а также с происходящим на наших глазах «постимперским

Елена Сергеевна Данилко | <https://orcid.org/0000-0002-4231-4759> | Danja9@yandex.ru | д. и. н., главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 17-01-00357-ОГН-А]

Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

сдвигом, когда, с одной стороны, совершаются неизбежные массовые переселения между бывшим центром и периферией, а с другой, общество пытается осмыслить свою новую идентичность, новое положение в мире, конструируя постсоветскую линию размежевания “своих” и “чужих”» (Абашиш 2012: 4).

Опросы последних лет, хотя и демонстрировали снижение (без аномальных перекосов) этнофобских настроений в целом, свидетельствовали о стабильности индекса поддержки изоляционистской политики в отношении мигрантов, когда большая часть опрошенных считала, что поток приезжих следует ограничивать. “Исторического максимума” такие установки достигли в марте 2016 г., как раз в этот период наблюдался интерес россиян к миграционному кризису в Европе (Пипия 2016). Опрос июля 2017 г. показал близкие результаты (только 6% респондентов поддерживали миграцию, 58 выступали категорически против и 36% не имели выраженной позиции) (Пипия 2017б).

В целом актуализация тех или иных объектов неприятия или, напротив, понижение к ним интереса, как отмечают социологи, зависит от социально-политического контекста. Так, при относительной стабильности антимигрантских установок последние не обнаруживали ярко выраженного конфликтного и агрессивного потенциала, что было связано с наличием в российском поле более раздражающих образов “чужих” и усилением негативизма в отношении Украины, стран Европы и США (Пипия 2017а). Соответственно, наметившийся, согласно опросу июля 2018 г., рост ксенофобских настроений также можно объяснить перенаправлением раздражения россиян на “других” на фоне недовольства пенсионной реформой и ухудшения экономической ситуации в стране. По словам директора центра “Сова” Александра Верховского, определенное влияние оказывает также то, что “канализация негативных настроений” на Запад исчерпала себя (Левада 2018а).

Комментируя данные о росте мигрантофобии, президент фонда “Миграция XXI век” Владимир Поставнин, согласившись с выводами социологов об обусловленности подобных настроений россиян ухудшениями в экономической сфере, подчеркнул также колоссальную роль, которую играет в этом интернет. С одной стороны, он служит источником полезной информации для потенциальных мигрантов, с другой – именно в интернете тиражируется резко отрицательная информация о приезжих (Левада 2018б). Это превращает виртуальное пространство в перспективное, хотя и непростое исследовательское поле по проблемам миграции. Одна из попыток такого исследования по материалам канала YouTube будет предпринята в настоящей статье. Именно этот портал был выбран для анализа по следующим причинам:

1. Видеохостинг YouTube является одной из самых популярных площадок, позволяющих не просто пользоваться информационным контентом, но и создавать его в соответствии с собственными представлениями и задачами: все пользователи сайта могут загружать, просматривать, оценивать и комментировать видео, а также делиться видеозаписями в социальных сетях. То есть благодаря YouTube “отдельные лица включаются в транснациональные коммуникативные практики, создавая самодостаточные и общедоступные текстовые или визуальные представления” (Miheli *et al.* 2011: 615).

2. Практически с момента возникновения YouTube с ним были вынуждены считаться крупнейшие телекомпании, которые начали создавать собственные аккаунты на портале, а размещенные на нем любительские ролики все чаще включать в телепередачи. Таким образом, YouTube, являясь своеобразным “каналом каналов” для самых разных сообществ, существующих в Сети, выступает в роли проводника между телевизионной и интернет-аудиториями, а кроме того, аккумулирует весь видеоконтент, который расходится по социальным сетям и блогам. Популярности сайта способствует и визуальная форма контента, обладающая, как известно, большим эмоциональным потенциалом, чем вербальная. “Интернет, –

пишут исследователи, — стал не столько текстом, сколько изображением” (*Мещеркина-Рождественская* 2007: 28). По частоте посещений в день YouTube опережает практически все популярные социальные сети (“Одноклассники”, Facebook, Twitter, Instagram), уступая лишь “ВКонтакте”.

3. В настоящее время на большинстве интернет-площадок действует цензура: владельцы сайтов не одобряют некорректных высказываний, а специальные фильтры отслеживают использование “языка вражды”. На YouTube подобная цензура значительно слабее, что делает его удобным для исследования ксенофобии¹.

Что можно узнать о мигрантах на YouTube?

Как отмечают исследователи, “сложившиеся принципы виртуального взаимодействия личностей друг с другом и личности с искусственным интеллектом позволяют формировать бесконечное количество запросов и получать такое же количество ответов на них” (*Кулинич* 2016: 242). Соответственно, использование статистики по этим запросам позволяет узнать актуальность той или иной темы для пользователей Сети. “Мигрантская” тема относится к одной из наиболее популярных. Даже самый простой поиск на YouTube с тегом “мигранты в России” выдает огромное количество видео на интересующую тему, при этом после просмотра каждого из размещенных в Сети роликов формируются новые запросы и поиск превращается в многоступенчатую и бесконечно расширяющуюся систему. В попытке сузить поле анализа я решила ограничиться тремя годами — 2016, 2017 и 2018. Это несколько перенаправило поиск, но не лишило меня возможности развертывания его в разных направлениях, хотя и в пределах одной заданной темы. В общей сложности было просмотрено около 100 видео по каждому году, кроме того, были проанализированы заголовки выложенных на YouTube сообщений, связанных с мигрантами. При всей относительности описанного подхода попробую предложить классификацию этих материалов.

Итак, несмотря на разнообразие контента, можно выделить две группы YouTube-каналов: дайджесты и видеоблоги. Первые представляют собой тематические подборки видеозаписей, собранных из различных источников. Вторые, как правило, строятся вокруг конкретного блогера, обсуждающего какие-либо темы (снимающее собственное видео на эти темы или сопровождающее чужие видео своими комментариями). Это разделение довольно условно, поскольку дайджесты могут включать комментарии составителей, а блоги — сколь угодно много цитировать чужие видеозаписи. Далее я обращусь к типичным примерам этих групп каналов, рассматривающих тематику миграции и мигрантов извне и изнутри. Добавлю, что на YouTube можно найти огромное количество подобной информации, которую сложно отнести к первому или ко второму виду ресурсов.

Пример *канала-дайджеста*, уделяющего большое внимание тематике миграции, — RussianCross, имевший около 77 тыс. подписчиков. Этот канал, зарегистрированный 11 сентября 2015 г. в Нидерландах, в настоящее время заблокирован. Основной задачей сайта, как говорится в разделе общей информации, являлось освящение преступлений мигрантов в России. Далее со ссылкой на слова руководителя Главного следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве Вадима Яковенко приводилась некоторая статистика, якобы демонстрирующая огромный масштаб этих самых преступлений: каждое пятое убийство и каждое третье изнасилование — в 2013 г., 60–70% всех преступлений — в 2014 г.² На RussianCross выкладывались видеосюжеты, представленные в регулярных телевизионных сводках новостей на основных федеральных и кабельных каналах (1ТВ, Россия, Россия 24, Москва 24, РЕН, НТВ, ОТР, Дождь и т.д.). Ролики не редактировались и не комментировались создателями сайта, но снабжались красноречивыми заголовками: “Мигранты: грабежи”, “Мигранты: проституция”,

“Мигранты: убийства”, “Мигранты: изнасилования”, “Мигранты: наркоторговля”, “Мигранты жрут наших собак” и др. Вынутые из профессиональных ТВ-программ материалы формально не выходили за рамки официальной политкорректности, хотя такая концентрация кричащих заголовков негативного характера не могла не оказывать направленного воздействия на потенциальных зрителей. Кроме того, сама возможность подобного применения материалов свидетельствует как раз о формальности этой официальной политкорректности. Видеорепортажи с мест событий наполнены сценами грубого, унижающего достоинство обращения с мигрантами со стороны полиции (мигранты на коленях или стоящие спиной с поднятыми и заложенными за головы руками и т.п.). Дикторский текст, даже если в нем не предьявляются прямых обвинений приезжим в совершении преступлений, как правило, не опровергает такой возможности и не осуждает жесткие действия сил правопорядка. А соответствующий визуальный ряд закрепляет в восприятии зрителей образы мигрантов-преступников. Блокирование на интернет-канале любых комментариев, где могла бы прорваться агрессия, не исключает возможности перепоста и, соответственно, перенесения закамуфлированного здесь конфликта в другое пространство Сети. Многие ролики с RussianCross сейчас можно найти по другим адресам в YouTube, и это является примером “самообороны” его пользователей и интернета в целом — при блокировании информации она репостится: выкладывается снова и снова; по поисковым словам перепостенные материалы найти легко, цензура не успевает реагировать на их перемещение. Так, портал Russian Life Today, куда перекочевала значительная часть видеоконтента с RussianCross, позиционирует себя как канал, рассказывающий о “новостях мира, необычайных природных катастрофах, явлениях и аномалиях, наводнениях и стихийных бедствиях на всей планете”. Однако рубрика “видео” содержит все те же сюжеты с агрессивными заголовками: “Таджики и киргизы готовили теракты в Москве”, “Таджики забили насмерть арматурой мужчину” и т.д.

На YouTube существует множество каналов, призванных представить мнение самих мигрантов, — каналов, ориентированных на просвещение и развенчание мифов о них. Аудитория такого рода ресурсов значительно уже и ограничивается чаще всего рамками самого мигрантского сообщества. Например, Таджикистану и таджикам посвящен канал TajLife (рег. 25 февраля 2015 г.). Весь его контент создается непосредственно организаторами в основном на русском и частично на таджикском языках, комментарии — также на двух языках. Декларируемые цели проекта — “поднятие имиджа Таджикистана”, “изменение мнения других народов о нас”, а также помощь соотечественникам — в конечном итоге сводятся именно к последнему. Большая часть видео предусматривает возможность комментариев, и, судя по ним, содержимое канала не всегда пользуется поддержкой целевой аудитории, которая отмечает определенную тенденциозность и недостаточную объективность материалов. Как правило, негативную реакцию вызывают представленные на TajLife “социальные опросы” на различные темы (“Нужны ли мигранты России”, “Хотят ли русские в Среднюю Азию”, “Почему существуют стереотипы о мигрантах” и т.д.). Именно эти материалы обнаруживают, пусть и небольшой, интерес к сайту со стороны “чужих”. Так, опрос на острую тему “Россия для русских?” насчитывает наибольшее число просмотров (4406) и более 100 комментариев интернет-пользователей, относящих себя к этническим русским. Содержание комментариев при этом сводится к неадекватности проведения такого опроса “чурками” либо к указанию на заведомую ангажированность ответов (“Пришли чурбаны и спрашивают, вам так и ответили”, “Нашли у кого спросить”³; “Пропаганда чистой воды... Вы же знаете, что вас тут не любят — зачем себя обманываете?”) (Tajlife 2018).

Для *видеоблога* Святослава Коваленко мигрантская тема — не единственная, но наиболее заметная. Блогер заявляет, что ставит перед собой задачу рассказать

о различных ситуациях, в которые могут попадать люди, в т.ч. сталкиваясь с нелегальными мигрантами. Показательно, что первой ступенькой к его сегодняшней популярности стал видеосюжет «Борзые “хачи” запрещают снимать!!!» (5,7 млн просмотров), снятый на известном рынке “Садовод”, воспринимающемся общественным мнением как место скопления нелегальных мигрантов. В сюжете показывается, как двое молодых людей приходят в торговые ряды и без всяких объяснений начинают снимать разложенные товары и продавцов, что вызывает раздражение людей, попавших в объектив. На их вопросы следуют ответы в духе “хочу и снимаю”, “по закону имею право снимать, что хочу” и т.д., в итоге акция перерастает в открытое столкновение с продавцами и охранниками торгового центра. Сюжет, выложенный в интернет, снабжен комментарием о дружбе народов и стремлении авторов показать не “плохие нации”, а “безкультурных, наглых людей” (Коваленко 2018)⁴. Такой откровенно провокационный способ генерирования сюжетов вскоре стал своеобразной визитной карточкой видеоблогера, которой “учит нас, как обращаться с быдлом”, устремляясь со своей камерой туда, где творится несправедливость (“Китайский ресторан отказывается принимать деньги”, “Врачи покалечили ребенка”, “Гопники напали на попрошайку” и т.д.). Хотя, как уже было сказано, далеко не все материалы Коваленко посвящены собственно мигрантам, из комментариев и из видео его встречи с читателями следует, что популярность блогера обусловлена его образом борца с незаконными действиями полиции, охранников, продавцов и – в значительной степени – “чурок”.

Кстати, тема противостояния полиции, одобряемая подписчиками Коваленко, представлена также в нескольких сериях под названием “Унижение полицейским нерусских” среди материалов блогера с говорящим ником “Чуркин сын”. Блог был зарегистрирован 17 апреля 2017 г., имеет 14 тыс. подписчиков, аккаунты во всех социальных сетях и получил более 2,5 млн просмотров. Автор представляет себя коротко: “Я – Гафур. Преданный воин здравого смысла! И это канал о моей жизни и не только!”; он размещает видео на разные темы, актуальные для современной России. Две серии с полицейским (почти 2 млн просмотров) показывают взаимодействие автора с участковым, пришедшим по заявлению жильцов дома о незаконно проживающем нелегале. Автор отказывается предъявлять документы, ссылаясь на законы и демонстрируя незаурядную (и не ожидаемую полицейским) юридическую грамотность. У серии более 7 тыс. комментариев, проанализировать их все – непростая задача, но можно представить спектр откликов на примере первых ста: в 24 одобряется поведение блогера, поставившего полицейского на место, а в 76 используются высказывания в духе “чурки вздумали качать права” (Чуркин сын 2017).

Примером довольно успешного “промигрантского” ресурса является UzLector – видеохостинг узбекского блогера Азама Азизова. С момента основания блог насчитывает уже более 28 млн просмотров, число обращений к каждому из выложенных на нем сюжетов исчисляется тысячами, а самые популярные имеют миллионную аудиторию. Основной посыл автора – “делать интересные и полезные видео на узбекистанские темы. Что бы люди со всего мира узнали о наших местах, великих людях и нашей культуре” (UzLector 2015). Содержимое блога в большинстве своем составляют именно “полезные” материалы на узбекском языке, дающие советы по решению вполне конкретных проблем: получение гражданства, поиск работы, организация собственного бизнеса. Кроме того, значительную часть контента занимают новостные и информационные сюжеты и, наконец, прямые трансляции в форме коллективных чатов. Судя по комментариям, UzLector был первым узбекским блогом, спровоцировавшим появление множества других, также стремительно набирающих популярность. Вместе с тем парадокс популярности такого рода блогов заключается в многочисленности и одновременно узости пользовательской аудитории, представленной собственно мигрантами, когда “просветительские” задачи,

стремление рассказать о себе миру и развенчать стереотипы в конечном итоге ограничиваются разговором друг с другом. По сути, такие видеоблоги переносят существующие в крупных городах замкнутые для чужих мигрантские анклав из мира реального в мир виртуальный, создавая пусть обширные, но все же локальные пространства внутри Сети и, соответственно, оказывая не слишком заметное влияние на общий уровень негативного информационного шума по поводу мигрантов.

Событие в Сети: бунт мигрантов в Люблино

Появление видеосюжетов о мигрантах часто связано с неким конкретным событием, казусом, случаем, превращенным в новостной сюжет: “Русский марш в Люблино”, “Миграционный бунт в спецприемнике”, “Мигранты с ножом ограбили продовольственный магазин в Подмосковье” и т.д. В качестве примера рассмотрим так наз. бунт мигрантов в московском районе Люблино.

Днем 20 сентября 2017 г. сотрудниками ЧОП торгового центра “Москва”, одного из крупнейших вещевых рынков на юго-востоке столицы, был избит 27-летний грузчик-таджик. Тело избитого, завернутое в белую материю, было вынесено за территорию торгового комплекса и выброшено в мусорный контейнер, где и было обнаружено родственниками. Весть о трагедии разлетелась среди других работников рынка, вскоре сюда начали стягиваться группы людей, выражавших возмущение действиями охраны. На место прибыли несколько нарядов полиции, около 200 протестующих были задержаны и доставлены в отделения полиции для разбирательства (Полиция 2017).

Уже в этот же день Сеть заполнили любительские, снятые на телефоны видеосюжеты, которые затем вошли в сводки официальных новостей. Важно отметить, как авторы многих сюжетов (в т.ч. журналисты телеканала “Россия 24”), несмотря на то что ситуация была неоднозначной и требовала серьезного предварительного разбирательства, конструировали негативный образ мигрантов, акцентируя внимание на взрывоопасности ситуации на рынке, созданной приезжими и предотвращенной сотрудниками полиции, вынужденными применить силу. Делался упор на оправдательной версии, озвученной руководством ТЦ “Москва”, о том, что попавший в больницу молодой таджик страдал эпилепсией и просто упал в обморок на территории рынка (*Шарипов* 2017). Приводилось интервью с врачом больницы, где он с явным раздражением отвергал серьезность диагноза пострадавшего (*RussianCross* 2017). Эмоциональные высказывания президента “Федерации мигрантов СНГ” Карамота Шарипова и самих мигрантов, рассказавших о коррумпированности охраны торгового центра, вымогающей у грузчиков деньги, о безнаказанности ЧОПовцев и жестоком избиении молодого парня, ставшем причиной трагедии, практически нивелировались прямыми и косвенными комментариями журналистов, ведущих репортажи с места событий: в информации о личности избитого указывалось, что он “подозревался в краже”; действия охранников характеризовались как “нанесение нескольких ударов”; рассказывалось о существовании среди приезжих системы дани, взимаемой самими же мигрантами. Из обращений к непосредственным участникам событий, казалось бы, призванных представить мнение сторон, отбирались краткие нейтральные высказывания, которые снабжались красноречивыми комментариями экспертов. Вот лишь один показательный эпизод: журналист спрашивает грузчика о стоимости перевозки одной тележки с товаром и, получив ответ (200 руб.), говорит о миллиардных дневных оборотах ТЦ “Москва” и прибыльности такого труда для самих нелегалов (*Россия-24* 2017). В репортажах подчеркивается, как напуганы жители района Люблино, ставшие свидетелями стягивания к рынку многочисленной агрессивной толпы нелегалов. Если оценивать ситуацию в целом, можно сказать, что развивалась уже знакомая идея о связи высокого уровня преступности с местами

скопления мигрантов. Например, в видеосюжете, размещенном на канале Sanday-Brunch спустя 10 дней после событий, активистка районного “Народного контроля” Е. Ковалевская называла рынок “раковой опухолью на теле города” и говорила о 200 тыс. нелегалов, проживающих в районе, связывая с ними “наркотизацию молодежи, износ жилого фонда, преступность” (SandayBrunch 2017). Все эти журналистские приемы раскручивания антимигрантского дискурса хорошо знакомы широкой аудитории с 1990-х годов, яркий пример подобной шумихи, поднятой в СМИ после взрыва на Черкизовском рынке в 2006 г., подробно описывался, в частности, В.А. Шнирельманом (*Шнирельман* 2007: 107–112).

Размещение транслируемых в СМИ материалов в YouTube позволяло проследить характер общественной реакции на них благодаря комментариям пользователей. Даже белгий обзор видео показывает соотношение условно анти- и промигрантских высказываний и очевидное преобладание первых. Например, из 2316 комментариев под материалом “Телеканала 360” (Телеканал 360 2017) (1 175 220 просмотров) лишь 70 (или 3%) выражали позицию мигрантов, остальные в крайне агрессивной форме призывали их “гнать”, “расстреливать”, “уничтожать”, “давить” и т.д., а видеорепортаж от канала Star News (Star News 2017) (94 397 просмотров) демонстрировал соотношение: 28 к 395 (7/93%) и т.д.

В комментариях ситуация рассматривается как угроза для коренных жителей, как первые попытки захвата Москвы чужаками, их претензии на такие же права, как у местных (“Это становится опасным!!! У них свои законы у них совершенно другой менталитет!!! Их очень много и у них есть свои вожаки!!! Они уже организованы!!! Они поверили в себя!!! Они такое могут устроить что мало не покажется!!! Они плевали и будут плевать на законы страны в которую понаехали!!!”; “Это пока они ещё пытаются права качать... Дальше будет веселее, толерантнее”; “Эти таджики скоро москву захватят Как муравьи собираются сразу как одного грузчика обидят”). Сам факт, что “чурки” могут иметь такие же права, вызывает у комментаторов крайнее возмущение (“Ахренели, какая диаспора? Есть закон РФ. Этого крикуна отмудохать как помойное ведро и нах пинкам к нему в кишлак, гниду. Оно будет у нас права качать? Стрелять гадов уже. Не нравится Россия, вон нах!”; “Херова туча свиной набегала и хрюкает, что им тут плохо! Пиндуйте в свои аулы! Свины безродные!”). Вообще самой выраженной конфликтной стратегией является дегуманизация мигрантов, отказ смотреть на них как на человеческие существа – это *тараканы*, *зверье*, *дерьмо*, дикая полуграмотная масса; их попытка сопротивления незаконным действиям охранников воспринимается как неумение культурно, цивилизованно разрешать конфликты, привнесение в культурный город кишлячных методов (“Не могут работать пусть дома сидят, а то на разборки пришли, это пусть в аулах у себя самосуд устраивают быдло, приехали в Россию пусть живут по закону а не по шарияту”; “Мать ихнюю! Привыкли к родо-племенным отношениям и давай кулаками махать! Такие вещи решаются не кулаками, не родственниками и не друзьями”; “Даже если грузчика низачто избили – то приходиться таким козлом – это не дело. Можно было прийти толпой и культурно поговорить и нормально разобраться кто именно виноват и после этого уже машинку ему попортить. Но вот такое агрессивное быдло надо ставить на место”). Показательно, что самый острый момент конфликта – жестокое избиение молодого парня и выбрасывание его тела в мусорный контейнер, уподобление его отходам, – не только не вызывает сочувствия, но комментируется крайне цинично (“Хаха, мусору – место в мусорке”; “Охраннику премию”; “Да срать на них они этого заслуживают, езжай домой тележка!”).

Все это свидетельствует о существовании выраженной мигрантофобской тенденции в общественном сознании аудитории современного русскоязычного интернета, в котором конструируются разнообразные мифы о врагах-мигрантах, являющихся угрозой для коренных жителей. Исследователи отмечают сложность такого рода

социальных конструкций, обнаруживающих иррациональный культурный пласт, представленный оппозицией “свой–чужой” и верой в “несовместимость культур”, в некую фатальную угрозу своим культуре и ценностям со стороны “чужаков”, в катастрофические последствия “нарушения сложившегося этнокультурного баланса” (Шнирельман 2007: 145). Попытаемся разобраться, каким образом формируются мигрантские образы “чужих” в пространстве YouTube.

Чурки, угли и джамшуты – образы мигрантов

Обращаясь к стратегиям формирования образов “чужих” в YouTube, важно понимать особенности самого интернет-пространства, определяющего конфликтное поведение основных акторов. Прежде всего это анонимность, невидимость оппонентов друг для друга, позволяющие легче преодолевать этические барьеры в использовании “языка вражды”. Так, ссылаясь на многочисленные исследования поведения людей в киберпространстве, где они позволяют себе говорить собеседнику вещи, которые обычно умалчиваются в ситуациях общения лицом к лицу, Джон Сулер для обозначения этого феномена использует новый термин – “эффект дезадаптации в режиме реального времени” (Suler 2004: 321). Другим важным моментом является относительная юридическая неуязвимость: отсутствие или сведение к минимуму серьезных последствий за заведомое искажение информации, использование неэтичных приемов манипуляции собеседником и т.д.

Юридическая неуязвимость во многом обусловливается и типом информационного ресурса. Так, сюжеты каналов-дайджестов ограничены (хотя бы какими-то) условными рамками политкорректности, поскольку зачастую привязаны к официальным ресурсам (дайджесты телевизионных сюжетов), а порталы диаспор – корпоративной этикой сетевых каналов. Интернет-СМИ в целом опасаются нарушать законы и стараются не допускать откровенно экстремистские (и вообще уголовно или административно наказуемые) высказывания. Пространство Сети позволяет при републикации усиливать неполиткорректность, снабжая остающиеся неизменными видеоролики кричащими заголовками. Задача занимающихся этим ресурсом, далеко не всегда служащих площадками для интернет-баталий, – посредничество между разными аудиториями и поддержание некоего заданного информационного фона, отражающего официальный дискурс. Этот фон создается собственно содержанием материалов, а также приемами их подборки. Известной стратегией создания иллюзии опасности, исходящей от мигрантов, является подчеркивание, выпячивание одних характеристик новостного объекта и сокрытие других. Так, при освещении криминальных событий российскими каналами, когда речь идет о мигрантах, сообщается об их этнической принадлежности и социальном статусе, тогда как в других случаях эта информация опускается. Поддержанию психологического напряжения, как было сказано выше, способствует и визуальный ряд, демонстрирующий допустимость, нормальность дегуманизации мигрантов.

Видеоблоги характеризуются меньшей цензурированностью и большей открытостью: здесь могут высказаться все желающие и имеющие что сказать. В отличие от каналов-дайджестов, у авторов есть больше возможностей для самовыражения в контенте острых социальных тем. В видеоблогах не блокируется большая часть комментариев. Именно здесь посредством использования пейоративной лексики совместно конструируются образы “чужих”. По наблюдению Аллена Льюиса, “никнеймы этнических групп, вне всякого сомнения, служат инструментом, которым люди и сообщества укрепляют и корректируют этническую иерархию” (Allen 1983: 2).

Значительную часть конфликтного словаря составляют экзонимы – обидные прозвища, даваемые друг другу враждующими группами. Отметим, что даже определения, которые используются федеральными СМИ для обозначения иностранных

рабочих (*мигранты, гастарбайтеры*), служат своего рода пейоративами и основой для образования уничижительных экзонимов: *гастеры, гастриты, гастрота* (негативная коннотация – заболевание пищеварительной системы). Наполнение смыслами слова “мигранты” связано, по наблюдению исследователей, с принятыми в обществе социальными и культурными классификациями. Так, отношение к приезжим в определенной степени воспроизводит “традицию” негативного и пренебрежительного восприятия “лимитчиков”, которые дополнительно маркируются еще и этническими признаками (Абашин 2012: 7).

Разнообразный набор форм продуцируют модификации слов “чурка”, “чурбан” (т.е. пень, обрубок дерева, воплощение наивысшей степени умственной отсталости): *чурбаны, чурье, чуркобесы, чуркистаны, чурилы, чурики, чуроксрань, чуркожопы*. Еще одной стратегией принижения, дегуманизации мигрантов является сравнение с животными (*звери, зверье, обезьяны, макаки, шакалы, бараны, ишаки, узкоглазая саранча, тараканы*) или даже экскрементами животного (*дерьмо/говно верблюжье, кизяки*). Характерно использование собирательных существительных, обозначающих множество, т.е. деперсонализирующих, лишаящих индивидуальности: мигранты – это *толпа*, даже *стадо, стадо баранов, зверье*, не прошедшее цивилизационной обработки *племня, кишлачная масса*, дикая и малограмотная *орда*. Безликость и многочисленность мигрантов подчеркивается в упоминавшихся выше сравнениях их с насекомыми – муравьями, саранчой, тараканами; чаще всего это насекомые, живущие большими колониями. При этом страх перед чужеродной массой, способной захватить привычное одомашненное пространство, превратив его в свое, заполонив и присвоив его, отражается в новообразованных топонимах, маркирующих “окупируемые” чужаками территории: *Масквбад, Чуркистан*. Устрашающие прогнозы и пророческие предостережения о приближении времен, когда привычные топонимы сменятся чужими – один из часто встречающихся мотивов в интернет-полемике. Вообще, страх “вторжения другого” и страх “утраты ресурсов” (т.е. боязнь оказаться в ситуации экономической и социальной неконкурентоспособности), как считают исследователи, широко распространены в обществе и служат объяснением эмоционального восприятия мигрантов как чужеродных, незваных гостей (Мукомель 2005: 56).

Инокультурность мигрантов определяется их конфессиональной принадлежностью, отсюда складываются лексические новообразования для их обозначения: *муслимы, исламы, муслота*. Акцентированию чужеродности служит выпячивание физических, фенотипических особенностей, природной смуглости (*черные, черные рожи, черножопые, угли, чернота, черножопая нечисть*), неславянского разреза глаз (*узкоглазые*). Пейоративная лексика, выражающая ненависть, презрение, сарказм в отношении мигрантов, формируется из представлений о каких-то культурных особенностях, например для этой цели часто используются названия блюд или продуктов восточной кухни: *чебурек/чебуреки, сухофрукты, урюк, баранина* (в т.ч. в ед.ч. – для обозначения отдельного человека). В негативном ключе – как инвективы, а не как имена нарицательные – употребляются некоторые имена собственные, например *Ашот* или “ушедший в народ” из популярной телепередачи “Наша Раша” *Джамшут*.

Любая коммуникация, в т.ч. сетевая, предполагает диалог или полилог, когда в дискуссии участвуют минимум две, а максимум – сколь угодно много сторон, тем более что интернет-пространство имеет возможность практически бесконечного расширения и включения бесконечного же числа акторов. Соответственно, в интернет-баталии, поводом для которых служат какие-то выложенные в Сеть материалы о мигрантах, включаются и сами мигранты. Учитывая, что разговор ведется на повышенных тонах и в ситуации неизменного противоборства, они также не стесняются в выборе языковых средств в отношении оппонентов, пользуясь для выражения неприязни богатой русской матерной лексикой. Однако мигранты практически не употребляют лексических новообразований, каких-то обидных производных или

искаженных слов; наиболее часто встречающимся по отношению к *русским* остается экзоним *русские*, к которому добавляются негативные характеристики: *ленивые, пьяницы, агрессивные*.

Оказываясь в меньшинстве, мигранты вынуждены использовать не столько наступательные, сколько защитные речевые стратегии, пытаясь урезонить, пристыдить противника. Так, частым приемом, вызревшим, очевидно, на популярности в современной России военно-патриотического дискурса, является напоминание об общем военном прошлом, об участии представителей среднеазиатских республик в обороне российских городов, о гостеприимстве в отношении эвакуированных и, соответственно, неблагодарности со стороны русских. В этом контексте русских называют *нацистами, наци, фашистами, расистами*, грозя им возмездием в некоем далеком будущем. Другим приемом, который иногда используется и “русской” стороной, служит напоминание о необходимости мигрантов в связи с неспособностью самих россиян обеспечивать чистоту и порядок в своей стране в силу лени и приверженности к алкоголю. Эти обвинения также пересыпаются бранью, и в попытке унижения адресатов иногда добавляется аргумент об их половом бессилии, когда русские женщины предпочитают приезжих парней.

Конфликтные стратегии “русской” стороны имеют более выраженный наступательный характер, включая в себя, помимо богатого и разнообразного арсенала пейоративов, формирующих отрицательный образ объекта агрессии, еще и призывы к определенному типу действий в отношении мигрантов: “гнать вон отсюда”, “передать”, “перестрелять”, “перебить, выслать из страны”, “депортировать”, “отправить домой” и т.д. (Из комментариев о “бунте в Люблино”: “Надо было черноту на ноль множить из пулемётов”; “Надо было расстрелять на месте это стадо”; “Нарушил закон в чужой стране даже просто кинул бычок или плюнул на улице выдворять с запретом въезда лет на 20 пока ни поумнеют на родине а если вернулся то реальный срок в специальной тюрьме на солонках в меню только селёдка”). В этом контексте нередки сожаления об отсутствии Сталина, который бы разобрался с “чурками”, сетования о мягкотелости нынешних российских и городских властей (“Товарища Сталина надо срочно поднимать. Какие то сраные таджики свои поганые рты разинули”).

Таким образом, негативные образы “чужих” в интернет-пространстве (в т.ч. в обсуждениях на YouTube) создаются по традиционной для конфликтов в виртуальной среде схеме, т.е. посредством соотнесения виртуальных оппонентов с различными негативными категориями, использования “языка вражды” и лексических единиц, имеющих отрицательно-оценочное значение (Громов 2018) и связываемых с телесным низом, животными, болезнями, неодушевленными предметами, нечистой силой, с категориями необразованности, отсталости, архаичности. Критические высказывания самих мигрантов предполагают соотнесение оппонентов с категориями фашизма, что тоже типично для современного дискурса пейоратизации.

* * *

Появление и растущая популярность социальных сетей, переводящих интернет-пользователей из разряда потребителей в разряд активных создателей информационного контента, способствовали более активному включению людей в обсуждение самых разных событий или явлений общественной жизни, в т.ч. связанных с мигрантами. Рассмотренный мной материал позволяет сделать следующие обобщения.

На видеохостинге Youtube имеются многочисленные публикации, отражающие и взгляд принимающей стороны на мигрантов, и взгляд самих мигрантов на ситуацию адаптации в инокультурной среде. Однако уже в силу количественного преобладания “русских” пользователей в русскоязычном секторе интернета первая группа публикаций представлена в гораздо большем объеме. Дайджест-каналы и

видеоблоги мигрантских сообществ, аудиторию которых составляют преимущественно сами мигранты, предполагают налаживание диалога с принимающей стороной, однако, по сути, такие ресурсы переносят из мира реального в мир виртуальный существующие в крупных городах закрытые для чужих мигрантские анклав и не оказывают заметного влияния на антимигрантскую напряженность, существующую в Сети.

Количественная и институциональная диспропорции обуславливают многие описанные в статье процессы: комментирование происходящих событий, различие стратегий ведения дискуссии и др. Так, имеются примеры того, что соотношение “антимигрантских” и “промигрантских” комментариев может составлять 97/3 или 93/7. Помимо указанной диспропорции, следует отметить целый комплекс факторов, отражающих специфику взаимодействия и протекания конфликтов в интернете: концентрация вокруг определенных тем заинтересованных пользователей, их сегрегация согласно интересам и идеологическим установкам, раскрепощенность поведения в виртуальном пространстве.

Мигрантская тема, ее актуализация в Сети, зависит от социально-политического контекста (наличие/отсутствие более раздражающих образов “чужих”, экономическая ситуация и т.п.) и, соответственно, может использоваться в процессах манипуляции общественным мнением. Информация о мигрантах, транслируемая центральными российскими телеканалами, обнаруживает потенциал для дальнейшего использования в интернете в негативном ключе (акцент на этнической принадлежности мигрантов в криминальной хронике, сюжеты, включающие насилие и унижение со стороны полиции). Одним из приемов усиления воздействия подобной информации на аудиторию является создание броских и негативно окрашенных заголовков на порталах каналов-дайджестов.

При обсуждении актуальных событий в комментариях к материалам YouTube мигранты склонны применять защитные речевые стратегии, направленные на то, чтобы урезонить, пристыдить противника. Конфликтные стратегии антимигрантски настроенных пользователей интернета, напротив, имеют более выраженный наступательный характер, они основаны на формировании и использовании богатого и разнообразного арсенала пейоративов, формирующих негативный образ мигрантов и содержащих призывы к агрессивным действиям против них.

Примечания

¹ Несмотря на относительную мягкость цензуры, она присутствует и на YouTube, а в 2019 г. были введены дополнительные ограничения. Поэтому некоторые интернет-ресурсы, рассмотренные мной в конце 2018 г., впоследствии были закрыты. Как это свойственно для интернет-контента в целом, часть упомянутых ниже материалов поменяла адреса, их поиск можно вести по заголовкам и ключевым словам; так, видеосюжеты с заблокированного в 2019 г. канала RussianCross зачастую обнаруживаются на Russian Life Today (см., напр., сюжет “Таджики били женщины арматурой...”: <https://www.youtube.com/channel/UCQVq2wVSCj8lxLzkiQR3hDA>), а также на зарегистрированном в июне 2019 г. канале Russia Kriminal. Другие удаленные видео сохраняются на личных страницах в социальных сетях и легко находятся по заголовкам через разные поисковики.

² Ссылки на источник информации нет, более того, миф о высоком уровне преступности среди мигрантов легко опровергается официальными данными сайта Генеральной прокуратуры РФ. Так, в 2017 г. лишь 2% от всего количества зарегистрированных преступлений было совершено иностранными гражданами, а если рассматривать тяжесть состава преступлений, то большая их часть — мелкие кражи в супермаркетах и использование фальшивых патентов на работу (Якимов 2018).

³ Здесь и далее при цитировании комментариев пользователей YouTube сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

⁴ На момент сдачи статьи в редакцию Коваленко значительно изменил направленность своего блога, данный видеосюжет выложен за пределами канала.

Источники и материалы

- RussianCross 2017 – Таджики избили и выбросили в мусорный контейнер охранники рынка-гадюшника “Москва” в Люблино (2017) // Russia Kriminal. 18.05.2020. https://www.youtube.com/watch?v=_E0n1U-0Wic
- SandayBrunch 2017 – Бунт мигрантов у ТЦ Москва // SandayBrunch. 30.09.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=UVbJ2IOvRXQ&t=48s>. <https://yandex.ru/video> (дата обращения: 17 ноября 2019 г.).
- Star News 2017 – Бунт Таджики в России ТЦ Москва. Как всё было. Драка, выстрелы // Ok. Видео группы «Родина слышит. Родина знает. 18.05.2020. <https://ok.ru/video/323651703203>
- Tajlife 2018 – Россия для русских? Социальный опрос! // TAJLIFE. 15.07.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=Id4hdpB3g8Q&t=283s>
- UzLector 2015 – О канале // UzLector. <https://www.youtube.com/channel/UC4RDOmUkVu3ULerdNVhis0A/about>
- Коваленко 2018 – Борзые “хачи” запрещают снимать!!! Угрожают, пытаются забрать камеру // Чеченцы и кавказцы. 19.07.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=shG40ubIZtY>
- Левада 2018a – В России выросли ксенофобные настроения // Левада-центр. 27.08.2018. <https://www.levada.ru/2018/08/27/v-rossii-vyrosli-ksenofobnye-nastroeniya>
- Левада 2018б – Мы ничего не делаем для адаптации и интеграции мигрантов // Левада-центр. 30.08.2018. <https://www.levada.ru/2018/08/30/my-nichego-ne-delaem-dlya-adaptatsii-i-integratsii-migrantov>
- Полиция 2017 – Полиция усилила охрану столичной больницы, где лечится таджик, из-за которого произошел конфликт у ТЦ // NEWSru.com. 21.03.2017. <https://www.newsru.com/russia/21sep2017/draka.html>
- Tajlife 2018 – Tajlife. Россия для русских? Социальный опрос! // TAJLIFE. YouTub.com. 15.07.2018. <https://www.youtube.com/watch?v=Id4hdpB3g8Q&t=283s>
- Россия-24 2017 – Рабочие-мигранты обвинили руководство “Москвы” в поборках – Россия 24 // Россия-24. 21.09.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=IfqNrtmzlvk>
- Телеканал 360 2017 – Побойше у ТЦ “Москва”: задержаны более 150 мигрантов // Телеканал 360. 21.09.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=jxlyJh7c3wo&t=94s>
- Чуркин сын 2017 – Чуркин сын. Унижение полицейским нерусских. 1 серия // Чуркин сын. 01.08.2017. YouTub.com. <https://www.youtube.com/watch?v=mYX3xO7VxpA&t=145s>
- Шарипов 2017 – Коженов обвинил избитого в ТЦ Люблино гр Таджикистана в припадке эпилепсии (сюжет Вести, Россия 1) // Videоблог Каромата Шарипова. 22.09.2017. <https://www.youtube.com/watch?v=dbw46qJ6T0s>
- Якимов 2018 – Якимов А. Большинство преступлений в России совершается мигрантами? // Комитет “Гражданское содействие”. 05.12.2018. <https://refugee.ru/materials/bolshinstvo-prestuplenij-v-rossii-sovershaetsya-migrantami>

Научная литература

- Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
- Громов Д.В. “Язык вражды” украинско-российского кризиса (по материалам социальных сетей Интернета). М.: Социальная антропология города, 2018.
- Кулинич А.А. Активность интернет-пользователей в контексте актуализации темы ксенофобии как крайнего варианта национализма (на примере китайско-японских отношений) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 6А. С. 241–254.
- Мещеркина-Рождественская Е. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 28–43.
- Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 56–66.

- Пиния К. Интолерантность и ксенофобия // Левада-центр. 11.10.2016. <https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya>
- Пиния К. Отношение к трудовым мигрантам // Левада-центр. 28.04.2017а. <http://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam>
- Пиния К. Ксенофобия в 2017 году // Левада-центр. 23.08.2017б. <https://www.levada.ru/2017/08/23/16486>
- Пиния К. Мониторинг ксенофобских настроений, июль 2018 года // Левада-центр. 27.08.2018. <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-ksenofobskih-nastroenij>
- Шницерльман В.А. СМИ, “этническая преступность” и мигрантофобия // Язык вражды против общества / Сост. А. Верховский. М.: Центр “Сова”, 2007. С. 107–150.
- Allen I.L. The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
- Mihelj S., van Zoonen L., Vis F. Cosmopolitanism and the Muslim Ummah On-line: “YouTubers” Responding to the Anti-Islam Film Fitna // British Journal of Sociology. December 2011. No. 62 (4). P. 613–632.
- Suler J. The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321–326.

Research Article

Danilko, E.S. Migrant-Related Conflicts on YouTube.com [Konflikty, svyazannye s migrantami, na Youtube.com]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 10–23. <https://doi.org/10.31857/S086954150010045-9> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena Danilko | <https://orcid.org/0000-0002-4231-4759> | Danja9@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

YouTube.com, Internet, online, conflicts, migrants, xenophobia

Abstract

The growing popularity of social networks, which turn passive consumers of Internet content into content creators, has been instrumental in involving Russians in more active discussions about various facets of social life, including those having to do with migration and migrants. There are plenty of information and resources of all kinds on this particular topic available on the Internet. An examination of them may point to the presence of a distinctive anti-migrant (xenophobic) discourse both in the established mass media and in the virtual space represented by various video blogs. The article draws on the analysis of online content hosted on YouTube, focusing specifically on labor migrants, to discuss the ways in which images of “others” or “aliens” have been constructed in Russian social discourses.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-01-00357-OGN-A]

References

- Abashin, S.N. 2012. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
- Allen, I.L. 1983. *The Language of Ethnic Conflict: Social Organization and Lexical Culture*. New York: Columbia University Press.

- Gromov, D.V. 2018. “Yazyk vrazhdy” ukrainsko-rossiiskogo krizisa (po materialam sotsial’nykh setei Interneta) [“Hate Speech” of the Ukrainian-Russian Crisis (According to the Materials of Social Networks of the Internet)]. Moscow: Sotsial’naia antropologiya goroda.
- Kulinich, A.A. 2016. Aktivnost’ internet-pol’zovatelei v kontekste aktualizatsii temy ksenofobii kak krainego varianta natsionalizma (na primere kitaisko-iaponskikh otnoshenii) [Activity of Internet Users in the Context of Mainstreaming Xenophobia as an Extreme Version of Nationalism (On the Example of Sino-Japanese Relations)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* 5 (6A): 241–254.
- Mihelj, S., L. van Zoonen, and F. Vis. 2011. Cosmopolitanism and the Muslim Ummah On-line: “You-Tubers” Responding to the Anti-Islam Film Fitna. *British Journal of Sociology* 62 (4): 613–632.
- Meshcherkina-Rozhdestvenskaia, E. 2007. Vizual’nyi povorot: analiz i interpretatsiia izobrazhenii [Visual Rotation: Analyzing and Interpreting Images]. In *Vizual’naia antropologiya: novye vzgliady na sotsial’nuu real’nost’* [Visual Anthropology: New Views on Social Reality], edited by E.R. Yarskaia-Smirnova, P.V. Romanov, and V.L. Krutkin, 28–43. Saratov: Nauchnaia kniga.
- Mukomel, V.I. 2005. Grani intolerantnosti (migrantofobii, etnofobii) [Facets of Intolerantness (Migratophobia, Ethnophobia)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 2: 56–66.
- Pipiiia, K. 2016. Intolerantnost’ i ksenofobiia [Intolerance and Xenophobia]. *Levada-tsentr*. 11.10.2016. <https://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya>
- Pipiiia, K. 2017. Otnoshenie k trudovym migrantam [Attitude Towards Migrant Workers]. *Levada-tsentr*. 28.04.2017. <http://www.levada.ru/2017/04/28/otnoshenie-k-trudovym-migrantam>
- Pipiiia, K. 2017. Ksenofobiia v 2017 godu [Xenophobia in 2017]. *Levada-tsentr*. 23.08.2017. <https://www.levada.ru/2017/08/23/16486>
- Pipiiia, K. 2018. Monitoring ksenofobskikh nastroyenii, iiul’ 2018 goda [Monitoring Xenophobic Sentiment, July 2018]. *Levada-tsentr*. 27.08.2018. <https://www.levada.ru/2018/08/27/monitoring-kse-nofobskikh-nastroenij>
- Shnirelman, V.A. 2007. SMI, “etnicheskaia prestupnost” i migrantofobiia [Media, “Ethnic Crime” and Migrants]. In *Yazyk vrazhdy protiv obshchestva* [Language of Enmity against Society], edited by A. Verkhovskii, 107–150. Moscow: Tsentr “Sova”.
- Suler, J. 2004. The Online Disinhibition Effect. *CyberPsychology & Behavior* 7 (3): 321–326.